

© 2007 г. А. А. СОКОЛЯНСКИЙ

О СТАТУСЕ ЗВУКА [ц] И ФОНЕМЫ <ц> В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о месте аффрикаты *ц* в системе русского литературного языка. Автор приходит к выводу, что фонема <ц> в русском языке существует, но ее функционирование ограничено интервокальной позицией, в других позициях противопоставление <ц> и <тс> отсутствует. В разговорной речи имеется тенденция к устранению фонемы <ц>.

Фонетисты редко обращали внимание на проблему фонематической целостности <ц>. Вероятно, действовал гипноз буквы: одна буква – одна фонема.

Прежде всего определим, что именно нам надо выяснить, чтобы ответить на поставленный вопрос о фонематической природе аффрикаты [ц]. Для этого нам необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какова фонетическая природа звука [ц]?
2. Отличается ли звук [ц] в произношении от сочетания звуков [тс]? Если отличается, то чем?
3. Если отличается, то в каких позициях?
4. Влияет ли на различение [ц] и [тс] морфемная граница? Если влияет, то как?

Только после ответа на все эти вопросы мы вправе делать вывод относительно статуса <ц> в русском языке.

Подробное описание артикуляции [ц] предлагается в работе Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение»: «Глухая твердая зубная аффриката <ц> имеет сложную артикуляцию. Она образуется путем смыкания спинки передней части спинки языка, примыкающей к кончику, к верхним зубам или альвеолам, как это нужно для <т>; однако смычка быстро раскрывается очень кратким щелевым элементом. Несколько упрощая, можно сказать, что при <ц> смыкание такое же, как при <т>, а размыкание такое же, как при <с>.

Края языка прижаты к боковым зубам. Язык занимает положение, близкое к тому, которое нужно для образования гласного [ъ]» [Аванесов 1984: 69].

Далее в разделе «Качество отдельных согласных» даются новые пояснения:

«Буквы *ц* и *ч* обозначают аффрикаты, иначе называемые слитными звуками. Каждый из этих звуков представляет собой как бы слившееся в один нераздельный звук сочетание: аффриката [ц] представляет собой нераздельный звук, состоящий из элементов [т] и [с]: [тс]; аффриката [ч'] – из элементов [т'] и [ш'] – мягких [т] и [ш]: [т'ш']. Таким образом, аффриката [ц] всегда произносится как звук твердый, а аффриката [ч'] – как звук мягкий. При произнесении аффрикат кончик языка образует смыкание, нужное для [т] или [т'], и быстро следующую за ним щель; поэтому звуки [ц] и [ч'] образуются при помощи взрыва сомкнутых органов речи и быстро следующего за ним трения [фрикации] струи воздуха о края щели, образованной сближенными между собой органами речи» [Аванесов 1984: 115].

Описание Р.И. Аванесова принципиально не расходится с описаниями других фонетистов, поэтому мы позволим себе не приводить их. Итак, получен ответ на первый вопрос: аффриката [ц] – это звуки [т] и [с], представляющие собой неразрывное единство.

Второй вопрос: отличается ли звук [ц] от сочетания звуков [тс]?

В большинстве работ по фонетике практически всегда [ц] отличали от сочетания [тс]. При этом неумение услышать разницу между [ц] и [тс] считалось признаком некоторой фонетической «незрелости». Когда возникает необходимость обозначить близость и в то же время различие между [ц] и [тс], то делается это с помощью знаков [тс̣] и [тс̣̣] соответственно. Что же скрывается за диакритикой $\bar{}$? Объясняют так: [тс̣] произносится слитно, а простое [тс] – раздельно. Что в этом случае значат слова *сли т н о* и *р а з д е л ь н о*? Общепринятые значения слов могут подтолкнуть к такому решению: *сли т н о* – это вместе, без паузы, а *р а з д е л ь н о* – это врозь, с паузой. Решение неверное. При произнесении [тс̣] никакой паузы нет. Бытовые значения слов *сли т н о* и *р а з д е л ь н о* здесь явно не годятся. Нужны другие критерии.

Р.И. Аванесов специально замечает по этому поводу: «Однако аффрикаты, как и взрывные согласные (например, [т]), – звуки мгновенные: их нельзя тянуть. Если второй, фрикативный элемент аффрикаты, образуемый путем трения, будет тянуться, то получится не единый и не раздельный звук, которым она является, а сочетание звуков. Именно этим отличается аффриката [ц] от сочетания [тс], которое может произноситься как [цс] (ср. *поцарствовать* и *подсаживать* или *отсаживать*)» [Аванесов 1984: 115]. Таким образом, по мнению Аванесова, продление фрикативного элемента в составе аффрикаты приводит к ее преобразованию в сочетание звуков [тс]. Обозначим краткость фрикативного компонента аффрикаты с помощью c . Тогда различие между аффрикатой [ц] и сочетание звуков [тс] графически можно будет передать как [т c] и [тс]. Итак, *сли т н о* с т ь, *н е р а з д е л ь н о* с т ь – это более краткий фрикативный элемент.

Л.В. Щерба обращал внимание и на другие различия между [ц] и [тс]: «Согласные *ц* и *ч* составляют в русском языке особую группу смычных и называются а ф ф р и к а т а м и, отличаясь от простых (или чистых) смычных тем, что у них смычка оканчивается щелевым элементом, образующимся теми же органами и в том же месте. Таким образом, *ц* в известной степени может рассматриваться как *тс*, а *ч* – как *тш*^р. Однако они отличаются от соответствующих сочетаний исключительной краткостью щелевого элемента, который ни при каких обстоятельствах не может быть продолжен. Этот элемент является своего рода придатком смычного или, еще лучше, своеобразным его разрешением, заменяющим нормальный взрыв *т*. Таким образом, в отличие от звуковых групп *тс*, *тш*, где слышен взрыв смычного элемента, звуки *ц*, *ч* являются простыми звуками, при которых звука взрыва не слышно» [Грамматика 1960: 53].

Опираясь на это высказывание, можно уточнить природу противопоставления [ц] и [тс]: помимо краткости щелевого элемента, который «ни при каких обстоятельствах не может быть продолжен», [ц] от [тс] отличается еще и тем, что взрыв как таковой при произнесении аффрикат отсутствует. Фрикация выступает своеобразной заменой взрыва. Ослабленная взрывность согласного приводит к появлению так называемых имплозивных согласных. Это «ненапряженный смычный согласный, артикуляция которого ограничивается экскурсией» [Ахманова 1966: 174]. Имплозивный согласный обозначают обычно с помощью > под знаком согласного – [т̤]. Тогда более точно произношение аффрикаты может быть представлено как [т̤ c]. В аффрикате взрыв не такой сильный, а фрикативный элемент не такой длительный, как при произнесении обычных звуков, существующих не в составе аффрикаты. Итак, по Щербе, аффриката произносится как [т̤ c], а сочетание тех же звуков, не образующих аффрикату, как [тс].

Со времен Л.В. Щербы наши представления о природе аффрикат несколько углубились. Выяснилось, что само по себе [тс̣] без $\bar{}$ не является очевидной фонетической реальностью. В данном сочетании происходит взаимодействие, следствием которого является появление двух типов долгих аффрикат, впервые описанных М.А. Штудинером. Природа долгих аффрикат несколько иная, чем природа других долгих звуков. По мнению М.А. Штудинера, «долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурации артикуляционных органов, т.е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель» [Штудинер 1981: 80]. Долгий звук русского языка можно (с известными оговорками) отобразить как состоящий из двух недолгих согласных, то есть

[t̃] = [тт], [c̃] = [сс]. Произведенные нами совместно с Д.Л. Тихоненковой подсчеты показали, что долгий и краткий согласный в интервокальной позиции соотносятся друг с другом как 11 : 9. Психологическое восприятие долгих и кратких согласных иное, обычно опрашиваемые говорили о том, что это соотношение равно 3 : 1. Очевидно, влияла психология: казалось, что соотношение 2 : 1 чересчур «орфографично», а представить его меньше, чем 2 : 1 не позволяло ясное представление о том, что долгие и краткие согласные четко противопоставляются в речи. В отношении аффрикат представление о том, что [t̃] = [ц] не может быть признано даже как чисто условное обозначение. При таком подходе долгое [ц] должно быть представлено как [t̃^ct̃^c], или традиционно как [тстс], но такое обозначение не будет соответствовать никакой фонетической реальности. Обычно отмечается, что долгое [ц] имеет только долгий затвор. Р.И. Аванесов обозначал этот звук как [t̃^c]. Он произносится в таких словах как *бра*[t̃^c]*а* (*братца*), *бо*[t̃^c]*я* (*бояться*) и др. Если отобразить его в соответствии с принятыми нами ранее обозначениями, то тогда его надо записать как [t̃^c]. Это аффриката с долгим затвором.

Но русский язык знает еще одну долгую аффрикату, у которой удлинена вторая часть, щелевая. Она произносится в словах типа *подсадил*, *отсох* и др. Р.И. Аванесов произношение данных слов обозначал двояким образом. В основном тексте своего учебного пособия он предлагает такую транскрипцию, как *по*[цс]*ади́л*, *о*[цс]*о́х*, но в примечании указывает: «Точнее, здесь произносится [пъ^{t̃}цсд'йл] и т.д.: предшествующий слог кончается затвором, нужным для [т] (обозначает его маленьким *t* сверху), а следующий начинается с аффрикаты [ц]» [Аванесов 1984: 181]. Если следовать принятым нами обозначениям, то данный звук надо обозначить, как [t̃^{cc}], но «долгое короткое» [cc] – это оксюморон, поэтому, речь следует вести об [с], как минимум, обычной длительности. В самом деле [c̃ + c̃] – это не менее чем просто [с]. Поэтому обозначение должно принять такой вид: [t̃^cс], дужка сверху использована как напоминание о том, что перед нами один сложный звук.

Итак, русский язык знает три аффрикаты [ц]: одна обычная [t̃^c] и две долгие: [t̃^c] и [t̃^cс]. Предложенные способы обозначения трех типов аффрикат точны, но наглядно не представляют главных различий между ними. Во всех трех аффрикатах взрывной элемент – имплозивный, следовательно, это качество не противопоставляет их друг другу, именно поэтому указанным общим свойством при обозначении в транскрипции в дальнейшем можно пренебречь. Знак $\bar{}$ использован для обозначения только одного из типов аффрикат, тогда как слитность является общим свойством всех аффрикат. В дальнейшем при обозначении трех типов аффрикат будем использовать следующие обозначения: [t̃^c] = [тс] или просто [ц], [t̃^c] = [т̃с], [t̃^cс] = [т̃с̃].

Все примеры, приводимые в литературе на разграничение трех типов аффрикат, приходятся исключительно на интервокальную позицию: *поцарствовать* и *подсаживать*, то есть *по*[т̃с̃]*арствовать* и *по*[т̃с̃]*аживать*, и *спица* и *спиться*, то есть *спи*[т̃с̃]*а* и *спи*[т̃с̃]*я*. В других позициях данное противопоставление отсутствует. Для доказательства последнего утверждения рассмотрим, каким образом противопоставление <тс> и <ц> могло бы быть представлено в позициях 1) начала слова; 2) конца слова и 3) в сочетании с согласными.

Обращение к малочастотным заимствованным словам при решении нашей проблемы вынужденно, так как необходимого нам материала для разграничения <тс> и <ц> в указанных позициях словарный состав исконно русских слов и общеупотребительных заимствований не дают. В отношении малочастотных заимствований всегда можно сказать, что они представляют особую фонетическую подсистему, которая необязательно реализуется в фонетической системе основных слов.

Тут поневоле мы должны на первом этапе доверяться орфографии и исходить из принципа: где написано сочетание букв *тс*, там и есть сочетание данных единиц. В начале слова сочетание *тс* встречается только в таких уникальных словах, как *тсонга*, *тсога* (название народов и языков банту), *тсуга* (род хвойных деревьев, от лат. *tsuga*) и тому подобные. Последнее слово в словаре иностранных слов дается с вариантом написания *цуга* и представлено на двух страницах [Словарь иностранных слов 1964: 722, 859]. Труд-

но говорить о произношении слов, которые практически не встречаются в обиходе. Однако сам факт вариантности написания последнего слова говорит в пользу того, что в начале этих слов должно произноситься [ц].

При разграничении [ц] и [тс] в начале слова «не работает» одно из правил Н.С. Трубецкого о разграничении фонем и их сочетаний. Правило гласит: «Группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка» [Трубецкой 1960: 65].

Для подтверждения того, в этом случае правило Трубецкого неприемлемо, нет необходимости в проведении реального фонетического эксперимента, так как любые результаты эксперимента заранее могут интерпретироваться неоднозначно. Поэтому ограничимся мыслительным экспериментом. Слова *тсуга* и *царь* принадлежат к разным фонетическим подсистемам. Предположим, что в слове *тсуга* сочетание *тс* звучит дольше, чем *ц* в слове *царь*. Это можно объяснить не разным фонемным составом, а принадлежностью слов к разным фонетическим подсистемам. Кроме того, для проведения эксперимента надо найти людей, которые бы знали слова типа *тсонга*, *тсога*, *тсуга* и свободно употребляли их в речи. В противном случае эксперимент покажет только то, что люди затрудняются читать «с листа» слова, фонетический вид которых необычен.

Конец слова также представляет весьма ограниченный материал для противопоставления <тс> и <ц>. Сочетание *тс* широко представлено в системе имен собственных: *Унитс*, *Комс*, *Китс*, *Катс*, *Робертс*, *Гейтс*, *Отс*, *Массачусетс* и др. На конце этих слов произносится [ц]. Фамилии российского дирижера *Кац*, английского физиолога немецкого происхождения *Кац* (нем. *Katz*) и нидерландского поэта рубежа XVI–XVII вв. *Катс* (голл. *Cats*) в форме именительного падежа в произношении не различаются. Да и этимологически перед нами, скорее всего, одна и та же фамилия.

Любопытно употребление этих слов в форме предложного падежа. Как правило, носители русского литературного языка не относятся к конечному сочетанию как к аффрикате, которая должна сохранять твердость в позиции перед <э>. Филологам для прочтения были предложены такие тексты:

О Георге Отсе мне много рассказывали родители.

Райзман много рассказывал нам об английских поэтах: о Шекспире, о Байроне и о Китсе.

Я кое-что слышал о советском дирижере Каце, но ничего не знаю о голландском поэте Катсе.

Большая часть опрошенных произнесла об *От[с']е*, о *Кит[с']е*, о *Кат[с']е*. Мы сознательно «вынесли за скобки» *т*, так как в ответах оно было и твердым, и мягким, но как раз это для нас несущественно. Однако были и те, кто во всех случаях произнес все слова твердо: об *О[ц]е*, о *Ки[ц]е*, о *Ка[ц]е*. В последнем случае их не отпугнула даже омонимия форм *Каце* и *Катсе*. Некоторые из опрошенных настаивали на своем праве не различать эти слова в предложном падеже.

Отношение к *Отсу* некоторые распространяют и на *бутсы*. Так, во фразе *Я потерял одну бутсу, а в одной бутсе ходить неудобно* часть респондентов предпочла мягкое произношение, а часть (их было больше) твердое. Итак, говорящих можно разделить на тех, кто воспринимает *тс* в словах *Отс*, *Китс*, *Катс*, а также *бутсы* как еще один способ обозначения аффрикаты на письме, другие интуитивно полагают, что перед нами сочетание согласных, следовательно, оно должно подчиняться требованиям поведения парных по твердости – мягкости согласных на стыке основы и окончания. Правило такое: перед окончанием существительных *-е* парный твердый заменяется на соответствующий ему мягкий. Одни считают это изменение сугубо морфологическим, то есть мену *t/t'* рассматривают как морфонологический процесс, другие полагают, что в позиции перед <э> на стыке окончания и основы продолжает действовать фонетическое правило, требующее чередования *t/t'*. Если принять первое решение, то в данных

словах мы имеем дело с морфонологическим чередованием *ц/тс'*. Второй подход требует признания того, что конечное *тс* представляет собой две фонемы – <тс>, так как финальный элемент сочетания ведет себя как фонема, парная по признаку твердости – мягкости. К сожалению, последнее решение не может быть окончательно принято ввиду того, что в описание условия чередования нам пришлось ввести морфологический показатель. Действительно, получается, что фонема <с>, представленная на конце слова в виде [с], изменяется перед <э> на [с'] только в том случае, если между <с> и <э> проходит морфологическая граница. Морфологическое условие является необходимым условием фонетической позиции! Следовательно, поведение последовательности *тс* в указанных словах подчиняется не только фонетике, но и морфологии, которая не должна быть решающей при принятии фонетических решений. Кроме того, надо принять во внимание и интересы тех (они пока в меньшинстве), кто не считает необходимым смягчать согласный в формах типа *Отсе*, *Китсе* и др.

Предварительно можно принять такое решение: в речи тех, кто произносит *об О[ц]е* (*об Отсе*), отсутствуют различия между сочетанием фонем <тс> и <ц>, то есть в их речи аффриката всегда может быть интерпретирована как бифонемное сочетание. Такой интерпретации противятся те, кто различает словоформы *о Каце* и *о Катсе*. Для них здесь различается <ц> и <тс>. При этом нельзя не учитывать того, что сама по себе мягкость не может свидетельствовать о том, что перед нами не аффриката. До последнего времени старомосковское произношение не запрещало позиционной мягкости [ц] в таких словах, как *цвести*, *цвел* и т.п., однако это не позволяло говорить об особой мягкой аффрикате.

О том, что на конце слова <тс> и <ц> в русском языке не различаются, говорит и такой факт (принадлежащий диахронии): заимствованные из немецкого языка слова с конечным сочетанием *tz* в русском языке оформлены с помощью *ц*: *абзац* (нем. *Absatz*), *форзац* (нем. *Vorsatz*), *эрзац* (нем. *Ersatz*), *плац* (нем. *Platz*), *шпиц* (нем. *Spitz*) и др.

Русский язык представляет богатый материал реализации сочетания <тс> и <дс> в сочетаниях с согласными, где в данном случае однозначно появляется [ц]: *совé[ц]кий*, *бра́[ц]кий*, *солда́[ц]кий*, *де́[ц]кий*, *азиа́[ц]кий*, *заво[ц]ко́й*, *горо[ц]кой*, *лю[ц]ко́й*; *бога́[ц]тво*, *бра[ц]тво* и др. [Аванесов 1984: 181]. Правда, Р.И. Аванесов замечает, что «при более отчетливом произношении в некоторых случаях может выступать [цс]: *совé[цскы́]*, *сре́[цтвѣ]*, *насле́[цствѣ]*» [Аванесов 1984: 182]. Но, скорее всего, мы имеем дело здесь с орфоэпической гиперкоррекцией. В таком режиме произношения и обычное [ц] может звучать подобным образом. Для понимания того, как реализуются аффрикаты в этом случае, очень важен закон, открытый М.В. Пановым. Закон гласит: «В соседстве с другими согласными долгий теряет свою долготу (т. е. долгий замещается кратким согласным). Слова *классный*, *трехбалльный*, *программный* и подобные произносятся с кратким согласным: [клас́ный] и т.д. В словах *белорусский*, *черкесский*, *индусский*, *французский* соединяются два согласных [с] – в конце основы и в начале суффикса -ск-, так что ожидался бы долгий согласный; но на самом деле в естественном произношении согласный не удлинен. Таким образом, между *матросской* (прилаг.) и *матроской* (сущ.), *киргизской* и *киргизкой* – произносительной разницы нет» [Панов 1979: 136]. Открытие М.В. Панова касается и аффрикат, которые не могут быть долгими в сочетании с другими согласными. Оказавшись в позиции, неблагоприятной для реализации долготы, фонемы <т> и <с> охотно слились в одном звуке [ц]. То, что в данных словах [ц] представляет собой именно сочетание фонем, сомнений не вызывает.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в позиции начала, конца слова и в сочетании с согласными фонема <ц> не противопоставляется сочетанию фонем <тс>. Если данное противопоставление не будет выявлено в других позициях, то можно говорить об отсутствии фонемы <ц> в русском языке как таковой. В том случае, если в других позициях противопоставление <ц> и <тс> будет выявлено, надо будет говорить о том, что в рассмотренных позициях происходит нейтрализация <ц> и <тс>.

Следующая позиция, которую нам предстоит рассмотреть, – это интервокальная позиция. В этой позиции <ц> и <тс> противопоставлены, но это противопоставление не

прямолинейно. Рассмотрим данную позицию сразу же с учетом морфологической границы:

- внутри морфемы
- на стыке корня и суффикса
- на стыке приставки и корня
- на стыке предлога и корня
- на стыке окончания и постфикса

Вопрос о возможности противопоставления <ц> и <тс> внутри морфемы в интервокальной позиции весьма спорный. Материал русского языка не представляет нам возможности наблюдать это противопоставление в чистом виде, однако имеются случаи, очень близкие к искомому. Речь идет о числительных типа *одинадцать, двенадцать, двадцать, тридцать* и др. Фонетическую аномалию в истории числительного *десять* отмечал еще А.И. Соболевский: «Выпадение гласных в середине слов, более или менее общее всем русским наречиям, очень редко и может быть указано прежде всего в слове *десять*, которое в сложении с другими числительными и при потере ударения, очень рано начинает появляться в сокращенном виде: *дѣсять*, откуда *тцять, тцать*» [Соболевский 1907: 97]. К сожалению, нет ясности в отношении того, как эти сочетания должны произноситься сегодня и как они реально произносятся. Р.И. Аванесов полагал: «На месте сочетаний *тц, дц* произносится аффриката [ц] с долгим затвором: [o^тц]á, бра́[^тц]а (брatца), сѣ[^тц]а (*ситца*)... двá[^тц]ать (*двадцать*), трѣ[^тц]ать, два[^тц]а(тъй (*двадцатый*), три[^тц]áтый. То же в другой транскрипции: бра́[ц:]а, о[ц:]ѣпит, двá[ц:]ать и т.д....

Нередко встречающееся произношение числительных *двадцать, тридцать* и производных от них без долгого затвора ([двáцът'], [двaцáтъ]) не рекомендуется» [Аванесов 1984: 182].

Специальное исследование долгих согласных, проведенное Л.Л. Касаткиным и М.М. Чой, показало, что рекомендации в отношении числительных явно устарели в силу того простого обстоятельства, что реально долгие согласные в этих случаях произносятся крайне редко: «Долгое/краткое произношение согласного внутри суффикса -*дцать* связано с количеством звуков в слове. Среди слов, имеющих сочетание *дц* сразу после ударного гласного, долгий согласный произносится в основном в коротких словах, содержащих менее семи звуков, таких как *двáдцать, трѣдцать*. В слова, содержащих 7 и более звуков, долгий [тц] был произнесен лишь два раза: в *трѣна́дцать* и *девѣна́дцать*. В таких словах, как *восемна́дцать, восемна́дцатый, двена́дцатый, девѣна́дцать, девѣна́дцатый, пѣтна́дцатый, семна́дцатый, трѣна́дцатый, шестна́дцатый*, долгий [тц] ни разу не был произнесен» [Касаткин, Чой 2005: 100–101]. Но даже и с учетом произнесения слов, содержащих менее семи звуков, доля произнесений -*дцать* с долгой аффрикатой ничтожна мала: «Внутри суффикса -*дцат-* / -*дцат'* - на месте *дц* долгий [тц] произносится очень редко – в 1,64% всех случаев. Долгий согласный может произноситься в позиции сразу после ударного гласного в коротких словах, например, *двáдцать, трѣдцать*» [Касаткин, Чой 2005: 108]. Таким образом, долгий согласный только «может произноситься», а реальное распространение имеет краткий согласный. Стало быть, данные слова чаще произносят с обычным [ц] и такое произношение сегодня надо признать как литературное: *одина[ц]ать, двена[ц]ать, два[ц]ать, три[ц]ать* и т.п. Даже в сугубо синхронном плане нельзя исключать связи между числительным *десять* и элементами -*надцать* и -*дцать*. Диахроническая связь здесь очевидна. Таким образом, сочетание фонем <д'с'> в русском языке внутри корня реализуется как [ц], хотя не запрещена еще его традиционная реализация в виде [тс].

Следует принять во внимание и такие факты, относящиеся, правда, не к интервокальной позиции, но в целом весьма показательные. Фонетически закономерным преобразованием древнерусского *дѣска* является слово *цка*, сохранившееся в русских говорах и профессиональной речи иконописцев, у последних оно обозначает доску, на которой пишут икону. Название реки *Цна* восходит к слову *Дѣсна*, в котором после утраты редуцированных сочетание <д + с> дало [ц]. Косвенные падежи слова *тьсть* в русском языке фонетически не закономерны (фонетически закономерное развитие этого слова, к при-

меру, в родительном падеже [после перехода в склонение существительных на *'] должно было быть *тъстѣ* → **тстѣ*), и поэтому оно не может помочь нам. Приведенные факты, скорее всего, свидетельствуют в пользу того, что последовательности <т + с> и <д + с> реализуются в русском языке в виде [ц].

Сочетание *тс* часто встречается в заимствованных словах, таких как *бутсы*, *аутсайдер*, *джиу-джитсу*, *адсорбент*, *хатса* (название одного из бушменских языков), *хидатса* (название языка индейцев) и др.

Орфоэпический словарь, как правило, не дает каких-либо определенных рекомендаций в отношении произношения сочетания *тс* в подобных словах. Так, в отношении слова *бутсы* обращается внимание только на то, чтобы при склонении говорящие не были склонны сохранять раздельное произношение [тс] в абсолютном конце слова, поэтому указывается, что надо произносить [у́ц], то есть [буц]. Тем самым, очевидно, предполагается, что в интервокальной позиции произносится [тс]. К такому решению подталкивает и то, что, предлагая форму единственного числа, авторы словаря пишут: «ед. -са.», то есть [с] будто бы существует отдельно от [т] [Орфоэпический словарь 1989: 54]. Но это в известной мере реконструкция, так как прямого указания относительно произношения этого слова нет. Р.Ф. Касаткина и М.Л. Каленчук при слове *бутсы* дают два возможных варианта: бу[цс]ы и бу[ц]ы [Каленчук, Касаткина 1997: 65, 87]. Иначе говоря, авторы словаря допускают в произношении этого слова аффрикату с долгим фрикативным компонентом, в нашем обозначении [тс̃].

В слове *аутсайдер* вариантность произношения не отмечается. Следовательно, предполагается, что произносится то, что написано, то есть [тс] = [тс̃].

Что касается слова *джиу-джитсу*, то оно имеет вариантное написание в виде *джиу-джицу*, широко представленное в Интернете, хотя и не отмечаемое большинством словарей. С одной стороны, слово заимствованное и фонетически причудливое, с другой – оно в свое время было освоено массой дворовых мальчишек, которые вряд ли заботились о тщательности произношения и ориентировались на свои бытовые произносительные навыки.

Такие слова, как *адсорбент*, *хатса*, *хидатса* являются специальными, но и здесь нет серьезных оснований говорить об их особом произношении.

Можно прийти к выводу, что в словах рассмотренного типа допустимо произношение как обычного [ц], так и [тс̃], точнее, наверное, речь вести о некоторой шкале фонетической реализации от [ц] = [тс] к [тс̃], где возможен весь спектр звуков переходного типа. Если слово далеко от освоения, то говорящие могут склоняться к произношению [тс̃]. К этому произношению будут тяготеть слова *адсорбция*, *хатса*, *хидатса* и т.п. Возможно, тот, для кого эти понятия – научная повседневность (химик, этнограф, лингвист), будет склонен к тому, чтобы произносить здесь аффрикату обычной длительности. Такие относительно освоенные слова, как *аутсайдер*, *бутсы*, склонны к тому, чтобы их произносили с чистым [ц], хотя и не возбраняется помнить об их иностранном происхождении, тогда допустимо [тс̃].

Кажется, уже можно прийти к выводу, что хотя и не последовательно и не всегда, но [ц] и [тс̃] противопоставлены в интервокальной позиции внутри корня. Однако что-то мешает нам принять такой вывод. Более того, чем привычнее слово, тем больше оно стремится к тому, чтобы произноситься с обычным [ц]: *ацетат* (лат. *acetum*), *ацидоз*, *ацидофилин*, *acrocephalia* (греч. *ακρος* + *κεφαλη*), *антрацен* (греч. *ανθρακος*), *бацилла*, *бенефиций*, *биоценоз*, *бицепс*, *борацит*, *брахицефалы*, *бруцеллез*, *гемоцитобласты*, *геноцид*, *гиацинт*, *гинецей*, *гифомицеты*, *глицерин*, *глицин*, *грамицидин*, *грация* и др. Различие между словами *адсорбция* и *ацидофилин*, *брахицефал* и *хатса*, *аутсайдер* и *бицепс*, *бутсы* и *бацилла* и др. не фонетические, а этимологические. В слове *бутсы* сочетание *тс* восходит к английскому *ts* (*boots*), в слове *бацилла* *ц* восходит к латинскому *c* (*bacillum* – палочка). Что касается чисто фонетической реализации, то как *тс* в *бутсах*, так и *ц* в *бациллах* могут реализовываться в зоне фонетической шкалы от [ц] до [тс̃]. Дело не в разных фонетических реализациях *тс* и *ц* в этих словах, а в том, что данные слова принадлежат к классу заимствованных слов, которые могут себе позволить более

четкую артикуляцию всех элементов. Даже вполне русские слова попадают в сферу этого фонетического разброса. Учителя начали фиксировать такие написания, как *литсо* вместо *лицо*. Таким образом, можно прийти к выводу, что в интервокальной позиции внутри морфемы отсутствует противопоставление <ц> и <тс> в виде [тс] и [т̥с], между реализациями этих фонем лежит переходная зона, которая не позволяет прийти к выводу о наличии фонемного противопоставления.

Теперь обратимся к анализу противопоставления [тс] и [т̥с]. Русское правописание знает небольшую группу слов с написанием *ци*. Как правило, это слова, связанные с итальянским языком: *пицца, пиццерия, палаццо, меццо-сопрано, Ницца, Гоцци, Дураццо* (устаревшее итальянское название современного города Дуррес в Албании). Наиболее освоенным из этих слов является *пицца*. Здесь менее всего следовало бы ожидать сохранения иноязычного фонетического облика, однако исследования показали, что слово сохраняет произношение *пи[т̥с]а*. Студентам нефилологического факультета (юристам) было предложено такое задание:

В каком случае рифма более точная? Объясните, почему вы так считаете?

1. *Пицца – спиться* 2. *Спица – спиться*

Девять опрошенных из 15 отдали предпочтение первой рифме, шесть предпочли вторую, но при этом некоторые из них оговорили, что их предпочтение связано с наличием звукового повтора в начале слова («здесь больше совпадений первых звуков»). Таким образом, рифма *пицца – спиться* воспринимается как более точная, это связано с тем, что консонантное скопление и в том, и в другом слове реализуется как [т̥с]. Естественно, что в других словах (может, за исключением слова *пиццерия*) стремление к сохранению аффрикаты с долгим затвором еще больше. Словоформы *с пиццей* и *спицей* явно различаются в произношении тем, что в первом случае звучит [т̥с], а во втором – [тс].

Курьезным для русского языкового сознания является второе имя Карла II Венгерского (1345–1386 гг.) – Карл Дураццкий (то есть Карл из Дураццо). В русском неискusstvenном произношении слова *Дураццкий* и *дурацкий* совпадают, создавая комическую омонимию.

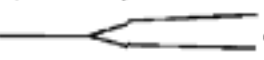
Таким образом, есть все основания говорить, что в интервокальной позиции внутри корня противопоставляются две аффрикаты: краткая, обычная [тс] и с долгим затвором [т̥с]. Однако данное противопоставление не является ярким, существует в ограниченном кругу слов, поэтому [т̥с] целесообразнее интерпретировать как бифонемное сочетание <щ>, встречающееся в крайне ограниченном количестве слов. Противопоставление [т̥с] и [тс] находится в общем ряду противопоставления долгих и кратких согласных.

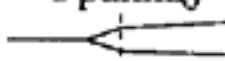
На стыке корня и суффикса сочетание <тс> в интервокальной позиции не встречается, имеющиеся примеры приходятся на позицию «гласный + т + с + согласный» типа *братский, солдатский, детский* и др., которые были рассмотрены нами ранее.

Очень ценными для рассматриваемого нами фонетического сюжета являются наблюдения Л.Л. Касаткина, который открыл чрезвычайно важный для русского языка фонетический закон: «Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами: *отсыпать* – о[ц]сы́пать, *пяться* – пя́[ц']ся, *отиципнуть* – о[ч']иципну́ть, *ветшать* – ве[ч]иша́ть. Понять это легко. Последняя фаза взрывного – резкий и достаточно широкий отход сомкнутых органов речи один от другого. Но перед щелевыми того же места образования этого не происходит. После смычки активный орган речи (уже готовясь к образованию следующего щелевого) лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель. Образуется аффриката. Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: *де[ц]са́д, бра[ц] Са́ши (брат), бу́[ц]сы (бутсы)*; [т'] перед [с'] меняется на [ц']: *ме́[ц']ся (меться), пя́[ц'] селе́док (пять)*» [Касаткин 1982: 106–107]. В дальнейшем Касаткин уточнил свое наблюдение и пришел к выводу, что аффрикаты образуются и в таких случаях, как о[бв]ва́л, [кх]ху́тору и др. [Касаткин 1999а: 81]. Правда, в данном случае, вероятно, надо говорить не об аффрикатах, а об особой реализации стыков между согласными одного места образования.

Стык приставки и корня, приставки и слова дает максимальные возможности для противопоставления всех трех типов аффрикат. Примеры уже приводились: *поцар-*

ствовать и подсаживать, то есть $po[\widehat{ts}]арствовать$ и $po[\widehat{ts}]аживать$, о царе, от царя и отцарствовать, то есть $o[ts]аре$, $o[\widehat{ts}]царя$ и $o[\widehat{ts}]арствовать$.

Весьма тонкое объяснение причин появления разных типов произношения в этих случаях предлагает Касаткин: «Взрывные согласные содержат в своем образовании две фазы: сначала происходит смычка артикулирующих органов и полная задержка воздушной струи, а затем резкое их размыкание и достаточно широкий отход друг от друга. Схематически взрывные согласные можно представить так: . Но перед щелевым согласным того же места образования вторая фаза смычного выглядит иначе: после смычки активный орган речи, уже готовясь к образованию следующего щелевого согласного, лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель: . Эту артикуляцию звуков можно интерпретировать двояко.

Границу между звуками можно проводить в месте уже образовавшейся щели: . В этом случае первый звук следует интерпретировать как аффрикату...

Сложную артикуляцию, возникающую на месте взрывного и следующего щелевого, можно членить на звуки и другим образом. Границу между звуками можно проводить в месте возникновения щели: . При такой интерпретации первый звук представлен только смычкой артикулирующих органов, то есть является импловзивным. Транскрипция в этом должна быть такой: $o[ts]адить...$ [Касаткин 1999а: 79–81].

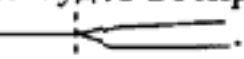
Итак, в зависимости от того, где мы проведем границу между звуками, зависит и интерпретация всего стыка: $o[ts]адить$ или $o[ts]адить$? Предложенная нами транскрипция аффрикат не противоречит тому, как те же процессы отображаются Касаткиным. Его $o[ts]адить$ равно нашему $o[\widehat{ts}]адить$. Разлагая $[ts]$ на составляющие, получаем: $[ts] = [ts + s] = [\widehat{ts}]$.

В процессе анализа природы стыка в словах типа *отсадить* Касаткин следовал такой логике.

Во-первых, он проанализировал соотношение длительности взрывной фазы и щелевой. Анализ был проведен на примере словоформы *от сабли*. Выяснилось, что у разных информантов (к сожалению, не сказано, сколько именно информантов исследовалось) на взрывную фазу приходится в среднем 38% длительности, а на щелевую 62%. Следует заметить, что для анализа проблем соотношения длительности взрывной и щелевой части принятое нами обозначение нагляднее. В самом деле, в транскрипции $[ts]$ в знаке t скрыта взрывная фаза и часть щелевой, а знак s обозначает только часть щелевой фазы, так как начальная часть щелевой фазы скрыта в t . Предлагаемая нами транскрипция нагляднее представляет эти две фазы: в записи $[\widehat{ts}]$ знак t обозначает только взрывную фазу, а знак $\widehat{s}$ – только щелевую.

Во-вторых, Касаткин постарался выяснить, как во времени распределяются согласные в слове типа *отца*, когда почти нет сомнений, где именно проходит граница между согласными. Была исследована относительная длительность согласных в двуконсонантных сочетаниях в интервокальной позиции типа *сказка*, *шапка* и др. Длительность первого согласного в среднем составила 45%, а длительность второго – 55% [Касаткин 1999б: 235]. Ранее в этой же работе Л.Л. Касаткин приводил данные, полученные Л.В. Златоустовой. У нее соотношение в сочетаниях подобного рода несколько иное: 48% и 52% соответственно [Касаткин 1999б: 234]. Как видим, у Л.В. Златоустовой данные приближены к тому пределу, когда можно говорить о равенстве звучания первого и второго элементов сочетания двух согласных. Но все это именно в «среднем». Реальные же употребления допускали значительные отклонения от среднестатистического параметра. Так, в данных Л.В. Златоустовой было отмечено соотношение 54%–46% (185 мс – 155 мс), с одной стороны, и 44%–56% (160 мс – 200 мс) – с другой. В данных Л.Л. Касаткина имеется соотношение 54%–46% (126 мс – 107 мс) и 36%–64% (91 мс – 160 мс). У нас не было никаких оснований сомневаться в точности наблюдений Л.В. Златоустовой и Л.Л. Касаткина, тем не менее мы повторили эксперимент наших предшественников. Как и ожидалось, проведенный эксперимент показал приблизительно ту же картину, но с некоторыми объяснимыми статистическими отклонениями. Как правило, первый согласный несколько короче второго, но допускаются довольно значи-

тельные отклонения в ту и другую сторону. Полученные данные в психологическом плане можно интерпретировать так: в бифонемном сочетании согласных, находящихся в интервокальной позиции, слушающий склонен первые 45% звучания воспринимать как первый согласный, а последующее звучание – как второй согласный.

Теперь вновь вернемся к анализу восприятия сочетания *тс* в словах типа *отсадить*. Взрывная фаза может оказаться в зоне 45%, тогда все сочетание будет восприниматься как последовательность [тс], что соответствует такой схеме . Взрывная фаза может оказаться короче, тогда часть пространства в 45% займет щелевой элемент, и все сочетание будет восприниматься как [цс], что будет соответствовать схеме . Поэтому появление аффрикаты в этих сочетаниях носит вероятностный характер, хотя эта вариантность в целом склоняется в пользу аффрикат.

Анализ Л.Л. Касаткина позволяет объяснить, почему фонетисты столь различно интерпретируют сочетание *тс*. Оказывается, многое зависит не от физической реальности как таковой, а от того, что мы думаем об этой реальности. Открытие Касаткина, как это ни парадоксально, дает материал для сторонников гипотезы Сепира–Уорфа на фонетическом уровне. Кажется, до сих пор сторонники этой гипотезы не прибегали к фонетике, хотя вся фонология исходит из того, что важна не физическая реальность, а интерпретация этой реальности говорящими. В схемах Л.Л. Касаткина сплошные линии обозначают физическую реальность (силою ума преобразованную в графическую форму), а пунктирная линия обозначает границу, проводимую сознанием говорящих. В зависимости от того, где сознанием будет проведена данная граница, различным будет и членение звукового потока. Оказывается, не физическая реальность принимает окончательное решение, а говорящий, который эту реальность интерпретирует. Подход глубоко филологический.

Почти все реализации сочетаний [т + с] на разных морфемных стыках подчиняются закону Касаткина. На стыках приставка + корень, предлог + слово, слово + слово сочетание [т + с] реализуется в виде [т̄с̄] (по Касаткину – [цс]): *о[т̄с̄]адить* – *отсадить*, *о[т̄с̄]аши* – *от Саши*, *жиле[т̄с̄]аши* – *жилет Саши*. При этом наблюдается нейтрализация <тс> и <цс>: в парах *блицсалат* (быстро приготовленный салат) – *отсадить*, *спецсад* – *от Саши*, *жилет Саши* – *жилец Саши* сочетания <тс> и <цс> произносится одинаково. По идее эти сочетания должны различаться долготой фрикативного элемента: [т + с] → [тс], а [тс + с] → [т̄с̄]. Но вступает в действие закон Панова: долгий не может быть в сочетании с согласным, поэтому «теоретические» [тс] и [т̄с̄] оказываются равными друг другу, то есть «превращаются» в [т̄с̄]. Не противоречит ли принятое нами изображение аффрикаты в виде [т̄с̄] закону Панова? Действительно, у нас рядом с [т] оказывается долгий согласный [с̄]. Противоречия нет. Закон Панова касается отдельных согласных, а мы имеем дело с аффрикатой: длительность [с] существует не сама по себе, а внутри целостного звука. Долгий [с̄] внутри аффрикаты долгий только по сравнению с [с] внутри обычной аффрикаты [ц] = [тс], а в сравнении с обычным долгим [с̄], например в слове *рассорились*, он вовсе даже и краткий. Закон Панова на такие случаи не распространяется.

Законы Панова и Касаткина касаются очень тонких вещей, они не очевидны, если бы было иначе, то эти законы были бы открыты раньше, и лингвисты так долго не мучились с тем, как лучше обозначить эти сочетания согласных. Но неочевидность этих законов заключается и в другом. Рядом с обычным произношением существует разговорное, эти два типа произношения не отделены друг от друга непроходимой стеной. В разговорной речи вполне возможно появление на месте этих сочетаний обычного [ц] (не долгого!). Норма требует говорить *о[т̄с̄]адить*, но тут же можно услышать и разговорное *о[ц]адить*. И в этом типе произношения уже аффриката становится представителем бифонемного сочетания <т + с>. Пока различаются случаи *о[т̄с̄]адить* и *о[ц]арать звук [ц]* не может быть интерпретирован как сочетание фонем <т + с>, но в разговорном стиле произношения предоступий к этому нет.

Помимо долгой аффрикаты [т̄с̄] в рассматриваемых позициях употребляется и другая долгая аффриката – [т̄с̄], она произносится в таких случаях, как *о[т̄с̄]епить* – *отцепить*,

о[т̃с]апли – от цапли, са[т̃с]апли – сад цапли. Таким образом, в интервокальной позиции встречаются все три типа аффрикат: о[ц]апле – о[т̃с]апли – о[т̃с]адить. Фонематически здесь представлены такие фонемы, как <ц> – <т̃ц> – <т̃с> = [т̃с] – [т̃с] – [т̃с].

В разговорной речи [т̃с], как уже было сказано, «стремится» к [ц]. Нет ли той же тенденции у [т̃с]? Иначе говоря, может ли исчезнуть различие между формами *оценить* и *отценить*? В произношении автора статьи данные формы различаются длительностью аффрикаты, в первом случае она равна 202 мс, во втором – 242 мс. Кажется, что долгий затвор языка оберегает более ревностно, чем долгий щелевой компонент. Поэтому слияние [ц] и [т̃с] возможно только в крайне разговорной речи, где действуют уже совсем иные законы.

Закон Касаткина распространяется и на мягкие согласные. Говорят: о [т'с']есть – *отсесть*, о [т'с']ебя – *от себя*, са [т'с']имы – *сад Симы*. Возможно, произношение с твердым затвором, особенно в последнем случае, то есть о [т̃с']есть, о [т̃с']ебя, са [т̃с']имы. Это произношение «в пользу» самостоятельности аффрикат. Русские аффрикаты «однолюбивы»: [ц] «любит» твердость, а [ч'] – мягкость. Если образуемый в слове *отсесть* сложный звук тяготеет к аффрикатам, то он должен подчиняться и их привязанностям, то есть стать твердым, если же он ощущает свою связь с фонемами, которым обязан своим появлением, тогда он должен сохранить присущую им мягкость. В данном случае сложный звук – мягкий или неоднородный в отношении мягкости, следовательно, он представляет собой сочетание фонем.

В интервокальной позиции, как уже говорилось ранее, зафиксирована нейтрализация <т̃с> и <т̃ц> в звуке [т̃с]. Нейтрализация объясняется действием законов Панова и Касаткина.

Очень богатый, но противоречивый материал дают сочетания с постфиксом -ся. Имеется весьма обширная литература, посвященная так называемому парадоксу А.А. Реформатского, который в статье 1957 года «Фонологические заметки» впервые обратил внимание на это явление.

«Купаться – пяться; ленинградский – посадить. Данные примеры представляют вариации на ту же тему (ранее были рассмотрены случаи типа к *Ире* и *Кире*. – А.С.), но здесь вопрос несколько сложнее, так как связан со строением слова и с грамматическими тенденциями словообразования и словоизменения. В данном случае спор уже внутри так называемой Московской фонологической школы.

Что в примерах *купаться* [купáц:а] и *пяться* [п'át'с'а] (где различие [ц:] и [т'с'] – очевидно): 1) разный состав фонем в тех же «условиях» или же 2) тот же состав фонем в разных «условиях»? Мы вотируем за второе.

Казалось бы, что «условия» одинаковы. [т'] предшествует [с'] на стыке морфем, и фонетический результат этого стыка оказывается различным: *купаться* (-ц-), но *пяться* (-т'с'-) – здесь аффрикаты не получилось.

Соотнося формы *купаться* [купáц:а] и *купался* [купáс'], мы «очищаем» [с], а сопоставляя *купаться* [купáц:а] и *купать* [купát'], – «очищаем» [т']. Для случая *пяться* всего этого не нужно, разве что вспомнить о форме *пять* [п'ат'], что, собственно, ничего нового не дает.

Так что же: акцентные «условия» те же, соседство – то же, а результат разный. Можно ли сказать, что здесь та же п о з и ц и я, значит, разный состав фонем? Нет.

Здесь разная позиция, т.е. не «те же условия». Дело в том, что вопреки мнению многих сторонников «автономии» фонетики, она – член общей структуры языка и через морфонологию теснейшим образом связана с морфологией. Бодуэн де Куртенэ всегда подчеркивал теснейшую связь фонем и морфем. Фонемы существуют не «где-то», а только в морфемах, и сами морфемы (их тип: корень, префикс, суффикс, флексия), и характер соединения в слове – необходимые характеристики «условий» для существования фонем.

В данном случае, на наш взгляд, секрет в том, что в *купаться* налицо стык инфинитивного аффикса [т'] с начальным [с'] возвратного аффикса, и это стык фузионный, а *пяться* – стык конечной согласной корня [т'] с таким же аффиксом, но это стык агглю-

тинирующей тенденции. Поэтому при фузионном стыке в *купаться* [т' + с'] дают долгую аффрикату [ц:], а при агглютинирующем стыке в *лечься* [т' + с'] не дают аффрикаты, а остаются «каждый сам по себе». Следовательно, одинаковые фонемы, находясь в разных морфологических позициях, дают различный результат при той же линейной расположенности.

Для того, чтобы проверить этот сложный случай, возьмем более простой. Примеры: *ленинградский* [л'эн'и'нграцкэи] и *подсадить* [пэ'сад'йт'] (в сноске А.А. Реформатский выражает несогласие с орфоэпической рекомендацией Р.И. Аванесова: «Пример приводится и у Р.И. Аванесова... Впрочем, насчет оговорки “при более отчетливой речи произносится, видимо (? – А.Р.), [цс]: сове[цс]кий...” мы с Р.И. Аванесовым никак согласиться не можем»). «Опять [д] и [с] встретились рядом, в той же последовательности, но результат разный» [Реформатский 1970: 484].

Позднее А.А. Реформатский возвращался к своему анализу и остался на прежних позициях. Формулируя принципы МФШ, он в 1970 году писал:

«Но могут быть и позиции иного рода, зависящие не от линейной последовательности и не от общих фонологических факторов, а от морфологических условий, например от агглютинативной или же фузионной тенденции тех или иных «стыков» и сочетаний, например, те же фонемы, в той же последовательности расположенные, могут давать разные результаты (в русском: <тс>, <дс> → [ц:] или [ц], или же без образования аффрикаты – [тс], в примерах: *штатский*, *шведский*, где аффриката образуется, и *отсадить*, *подсадить*, где аффриката не образуется; ср. также *купаться* и *лечься*, где еще больше различие в реализации фонем <т> и <с>» [Реформатский 1970: 115–116].

Сегодня возможна несколько иная интерпретация случаев *ленинградский*, *штатский*, *шведский*. С учетом закона Панова. Долгая аффриката в этих словах не образуется потому, что сочетание фонем <тс> или <дс> находится в соседстве с другим согласным. Следовательно, долгота аффрикаты «подавляется». Уже говорилось, что случаев, когда бы сочетания фонем <тс> или <дс> на стыке «корень + суффикс» находились в интервокальном положении, русский язык не предоставляет.

Иное решение в отношении рассмотренного А.А. Реформатским случая было предложено М.Л. Каленчук в статье «Об одном из лингвистических парадоксов А.А. Реформатского». Она исходит из того, что «в русском языке нет других примеров, подтверждающих, что при стыке постфикса с корнем налицо агглютинирующая тенденция, а при стыке постфикса с аффиксом – фузионная» [Каленчук 1998: 135]. О характере стыков А.А. Реформатский делает выводы только на основе поведения фонем в анализируемых им формах. «Получается логическое противоречие: мы узнаем о том, что здесь агглютинация и фузия по тому, что фонемы себя ведут не одинаково, а затем объясняем их различное поведение тем, что они находятся в разных позициях – фузии и агглютинации. Это замкнутый круг» [Каленчук 1998: 135].

Далее М.Л. Каленчук рассуждает следующим образом: фонетически закономерной признается реализация сочетания <т'с'> в словах типа *лечься*, так как именно эта реализация соответствует закону Касаткина, согласно которому «взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами» [Касаткин 1982: 106]. В отношении произношения в словах типа *купаться* М.Л. Каленчук ссылается на мнение своих предшественников, А.Ф. Бишера и М.А. Штудинера, которые считали, что появление аффрикаты [ц] в таких случаях носит не фонетический, а грамматический характер. Вместе с тем природа этого грамматического чередования ими описана не была. Опираясь на классификацию чередований М.В. Панова, М.Л. Каленчук относит данное чередование к грамматическим позиционным. То есть мы имеем дело с грамматическим чередованием, происходящим в определенной грамматической позиции.

Дальнейшая логика М.Л. Каленчук такова.

1. Звук [ц:] в глаголах *купаться* представляет собой две фонемы: одна из них принадлежит окончанию глагола или суффиксу инфинитива, другая – возвратному постфиксу.

2. Вторая фонема – <ц>, так как звук в данном случае находится в сильной позиции перед гласной, а [ц] в этой позиции может представлять только <ц>.

3. Правильность принятого решения подтверждается тем, что нельзя интерпретировать конечное [ц] как реализацию <с>: искусственно созданные слова типа *коцса, табецсун, пацсок* и т.п. информанты произносили со звуками [цс], а не [ц:] (в нашей транскрипции соответственно [тс̥] и [т̥с̥]. – А.С.). Стало быть, предшествующее [ц] не «превращает» [с] в себе подобное, то есть в [ц].

4. Поэтому «никакой фонетической обусловленности мены звуков [с] или [с'] на звук [ц] в наших примерах нет. Здесь фонемы функционируют в условиях морфологической обусловленности: в возвратном постфиксе -ся в позиции после глагольного аффикса инфинитива -ть или 3-го лица настоящего будущего времени всегда происходит мена звуков [с] или [с'] на [ц]. Следовательно, мена фонем <с> или <с'> на фонему <ц> носит морфологический характер» [Каленчук 1998: 138].

Здесь почти совсем хочется согласиться, но некоторые неясности остаются. Определяя грамматические условия чередования, М.Л. Каленчук не повторяет аффиксы, перед которыми данное чередование происходит. Действительно, аффиксы ею названы на предыдущей странице. Повторим их, это: показатель инфинитива -ть, а также окончания глаголов -ет, -ит, -ут, (-ют), -ат, (-ят). Все эти окончания завершаются либо гиперфонемой <т/д>, либо <т'/д'> (если принять во внимание при установлении фонемного состава суффикса инфинитива такие формы, как *нести, вести* и др., то можно признать, что в суффиксе инфинитива нет гиперфонемы, а есть фонема <т'>). Нельзя просто проигнорировать тот очевидный факт, что финаль везде в фонетическом отношении одинакова. Поэтому от фонетической обусловленности все-таки целиком в данном случае не удастся избавиться.

М.Л. Каленчук ставит вопрос о том, считать ли чередование *с//ц* в постфиксе фонетическим или грамматическим. Она доказывает грамматический характер этого чередования, устанавливая, что позицией, обусловившей мену, является положение после определенных глагольных показателей. При этом все эти морфемы имеют одинаковую с фонетической точки зрения финаль – все они заканчиваются согласной <т / д> или <т'/д'>.

Следует принять во внимание некоторые диахронические соображения. В парадигмах глаголов очень часто проявляет себя аналогия. Примеры общеизвестны. Изменение произношения у глаголов 2-го лица множественного числа настоящего времени типа *н'эс'эт'э → н'эс'от'э* не имело фонетических оснований, основания исключительно морфологические. В современной форме [н'и'с'от'э] преодолена изначальная ограниченность фонетического изменения [э] в [о]. Если появление [ц:] в анализируемых случаях – грамматический процесс, то где-то его изначальная фонетическая обусловленность должна быть преодолена. Наряду с формами *купае[ц:]я* должны бы были появиться формы типа **купае[щц]я* и тому подобные. Литературный язык этих форм не знает, поэтому он не преодолел пока фонетическую обусловленность данного грамматического чередования. Отсутствуют формы такого рода и в говорах, которые дружно представляют во всех случаях только формы на *с*: меняется качество *с* по твердости – мягкости и конечный гласный [Атлас: карта 107]. Поэтому, вероятно, пока стоит говорить о грамматико-фонетической обусловленности, но это значит вернуться, по сути дела, к точке зрения Реформатского.

М.Л. Каленчук объясняет незакономерный результат развития сочетания [тс] исключительно фонетически: «Можно предположить, что это изменение шло следующим путём: после того как [т'ьс'] изменилось после падения редуцированных в [т'с'], произошла замена взрывного на аффрикату перед щелевым того же места образования... В результате этого получилось сочетание [ц'с']. А затем произошла прогрессивная ассимиляция по способу образования: [ц'с'] > [ц'ц'] = [ц':]. После отвердения [ц':] превратился в [ц:], который произносится на рассматриваемом шве и сейчас» [Каленчук 1998: 139].

Попытаемся «переписать» указанные переходы в системе обозначений, принятой нами. Сочетание [ц'с'] тогда будет выглядеть как [т'с̥']. Фонетически это уже аффриката с долгой щелью. Сочетание [ц'ц'] должно быть представлено как [т̥'с̥']. А это аффрика-

та с долгим затвором. Тогда изменение, постулируемое М.Л. Каленчук, можно изобразить как [т'с̄'] > [т'с'], то есть долгота с фрикативной части аффрикаты была перенесена на затвор. При таком понимании процесса уже нет возможности говорить об ассимиляции.

Что послужило толчком к этому изменению? Выбор не велик: фонетика или грамматика. «Попробуем» разные ответы.

Ответ «фонетика» приводит нас к следующим трудностям.

В о - п е р в ы х, данное изменение ограничено грамматической позицией, описанной М.Л. Каленчук, оно не происходит в других случаях. Так, *о[тс̄]адить* не изменяется в **о[тс]адить*. Не знают этого изменения и совсем «близкие» формы типа *пяться, от-меться*.

В о - в т о р ы х, в говорах каким-то образом должна была отразиться предшествующая стадия состояния в виде аффрикаты с долгим фрикативным элементом, однако знакомство с диалектным состоянием не оставляет никаких иллюзий на этот счет: все говоры русского языка имеют в данном случае произношение с долгим затвором [Атлас: карта 108].

В - т р е т ь и х, материалы памятников письменности так же, как и диалектные данные, не отражают этапа, связанного с произношением в этом случае [т'с̄']. В связи с тем, что говоры в данном случае дают однородную картину, можно считать, что данное изменение носило общерусский характер. Диахронические аспекты взаимодействия между [т] и [с] в этих формах предполагается рассмотреть в отдельной статье, общий вывод в отношении появления произношения типа *ля[т'с̄']я* таков. Мягкость конечного согласного основы глагола повелительного наклонения стала функционировать как аналог утраченного *и*: *встани* > *встан'*, *забуди* > *забуд'*, *ударь* > *удар'*. В современном русском языке «формы 2 л. ед. ч. образуются от основы наст. вр. одним из следующих способов: путем присоединения к основе наст. вр. 1) флексии *-и* или 2) нулевой флексии при чередовании согласных в конце основы по твердости – мягкости» [Русская грамматика 1980: 620]. Таким образом, для русского языка финальные *и, j* и мягкость – обязательные показатели повелительного наклонения. Исключение представляют собой формы на непарные по твердости – мягкости согласные типа *режь, услышь, ляг*. Строго говоря, в формах типа *забудь, ударь* показателем повелительного наклонения является мягкость конечного согласного основы. Именно поэтому в формах типа *пяться, от-меться, охоться* не произошло образование твердой аффрикаты: морфология требовала сохранения мягкости согласного, являющегося показателем повелительного наклонения. Таким образом, в диахронии позиция А.А. Реформатского в отношении этих форм находит свое подтверждение.

Итак, в результате рассмотрения функционирования <ц> в русском языке в ее противопоставленности к <тс> можно прийти к выводам, которые в целом благоприятны по отношению к фонеме <ц>.

1. В интервокальной позиции <тс> и <ц> противопоставлены друг другу, но только в определенных морфологических условиях. Эти условия таковы: а) на стыке приставки и корня: *отсадить* (*о[тс̄]адить*) – *оцарапать* (*о[тс]арапать*); б) на стыке предлога и слова: *от сада* (*о[тс̄]ада*) – *о царе* (*о [тс]аре*).

2. В позиции в соседстве с другим согласным и в позиции конца слова противопоставление <тс> и <ц> отсутствует вне зависимости от тех или иных морфологических условий. Слова *Кац* и *Катс* произносятся одинаково, в словах *детский* и т.п. также представлена нейтрализация фонем <тс> и <ц>. Эта нейтрализация обусловлена действием закона Панова.

3. В позиции начала слова <тс> и <ц> в русском языке не противопоставляются.

4. Интервокальная позиция внутри морфемы реально представлена только словами с суффиксами *-дцать* и *-надцать*. В этой позиции противопоставление <ц> и <тс> практически уже отсутствует, хотя орфоэпические справочники настаивают на произношении в данных словах аффрикаты с долгим затвором. Здесь реальное употребление значительно расходится с орфоэпическими рекомендациями.

5. Вызывает споры фонематический статус стыка окончания и постфикса в таких словах, как *смеяться*, *смеется*. Автор статьи в целом готов согласиться с тем решением, которое было предложено в работах Л.Л. Касаткина и М.Л. Каленчук, однако процесс морфонологизации здесь еще не завершен. Поэтому пока еще явственно просматривается в этих формах былая фонетическая обусловленность, на которой настаивал А.А. Реформатский.

Таким образом, фонема <ц> в русском языке существует, но ее функционирование ограничено интервокальной позицией, в других позициях противопоставление <ц> и <тс> отсутствует. В разговорной речи имеется тенденция к устранению фонемы <ц>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1984 – Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1984.
Атлас 1989 – Атлас говоров русского языка. Ч. II. Морфология. М., 1989.
Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Грамматика 1960 – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.
Каленчук 1998 – М.Л. Каленчук. Об одном из лингвистических парадоксов А. А. Реформатского // Язык: изменчивость и постоянство / К 70-летию Леонида Леонидовича Касаткина. М., 1998.
Каленчук, Касаткина 1997 – М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
Касаткин 1982 – Л.Л. Касаткин. Фонетика // Современный русский литературный язык. М., 1982.
Касаткин 1999а – Л.Л. Касаткин. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. Т. III. М., 1999.
Касаткин 1999б – Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
Касаткин, Чой 2005 – Л.Л. Касаткин., М.Ч. Чой. Долгота / краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке. М., 2005.
Орфоэпический словарь 1989 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1989.
Панов 1979 – М.В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
Реформатский 1970 – А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2-х т. Т. I. М., 1980.
Словарь иностранных слов 1964 – Словарь иностранных слов. М., 1964.
Соболевский 1907 – А.А. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
Трубецкой 1960 – Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.
Штудинер 1981 – М.А. Штудинер. О двух типах долгих аффрикат в русском языке // ФН. М., 1981. № 1.